
Социальное государство: факторы становления

© 2019 г. Ю.Д. Гранин

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: maily-granin@mail.ru

Поступила: 4.04.2019

В статье рассматриваются социальные и мировоззренческие предпосылки формирования феномена социального государства в западноевропейской цивилизации XVIII–XIX столетия. Его становление было связано с переосмыслением представления об «общественном благе», за пределами которого оказывались бедность и социальное неравенство. Эта тенденция игнорирования бедности и социального неравенства поддерживалась верой во всемогущество рационально устроенного государства. Последнее на протяжении двух столетий решало проблему бедности мерами изоляции, морального осуждения и дисциплинарного насилия. Постепенно, однако, вместе с разрушением наивного рационализма и механистической картины мира, а также в связи с развитием национальных систем образования растет недовольство по отношению к «разумно устроенной» общественной системе и закрепляющему ее государству. Вырабатывается новое представление о государстве. Теперь оно включает в сферу своей ответственности помимо политических прав человека и гражданина его социальные права. Ведущая роль в этом процессе во второй половине XIX – первой трети XX столетия принадлежит социалистической мысли, оказавшей значительное влияние на внутреннюю политику многих стран Европы и США. Поэтому первый этап становления социального государства можно охарактеризовать как социалистический.

Ключевые слова: бедность, государство, права человека, социальное государство, социальная политика.

DOI: 10.31857/S004287440007154-4

Цитирование: *Гранин Ю.Д.* Социальное государство: факторы становления // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 11–16.

Social State: Formation Factors

© 2019 г. Yury D. Granin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: maily-granin@mail.ru

Received 4.04.2019

The article discusses the social and worldview background for the formation of the phenomenon of the social state in the Western European civilization of the 18th–19th centuries. Its formation was connected with reconsideration of idea of «the public benefit» outside which there were a poverty and a social inequality. This tendency to ignore poverty and social inequality was maintained by faith in the omnipotence of a rationally organized state. The latter for two centuries solved the problem of poverty with measures of isolation, moral condemnation and disciplinary violence. Gradually together with destruction of former rationalism and a mechanistic picture of the world, development of national education systems there is a suspicion to «reasonably arranged» public system and the state crowning it. New idea of the state is developed. Now it includes in the sphere of the responsibility besides the political rights of the person and citizen his social rights. The leading role in this process in the second half of the 19th – the first third of the 20th century belongs to the socialist thought which had considerable impact on domestic policy of many countries of Europe and USA. Therefore the first stage of formation of the social state can be characterized as socialist.

Key words: poverty, state, human rights, social state, social policy.

DOI: 10.31857/S004287440007154-4

Citation: Granin, Yury D. (2019) ‘Social State: Formation Factors’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2019), pp. 11–16.

В современном научном дискурсе существуют десятки экономических, политических, правовых и иных дисциплинарных трактовок концепта «социальное государство» и, как минимум, три междисциплинарных подхода к анализу социального государства: атрибутивный, ценностно-нормативный и структурно-функциональный. Между тем проблема возникновения социального государства, его взаимосвязи с государством правовым все еще не имеет однозначного решения. Общепринятым является утверждение, что социальное государство – это демократическое правовое государство, исполняющее социальные обязательства. Но может ли быть так, что правовое государство существует, и, тем не менее, не является «социальным»? Ответ на этот вопрос следует искать в цивилизационных особенностях становления и развития государств Западной Европы в XVII–XIX вв. Остановимся подробнее на этом моменте.

Опуская исторические детали, можно утверждать, что последовавшее за эпохой европейского Возрождения Новое время – это период, с одной стороны, внутренней трансформации западноевропейской цивилизации, а с другой – ее территориальной экспансии на другие континенты. Внутренние изменения Западной Европы выразились в переходе ее государств от феодальной организации к абсолютистской форме правления, а затем – к суверенным национальным правовым государствам. Этот переход был осуществлен в череде европейских социальных революций (Нидерланды, Англия, Франция), базовой предпосылкой которых было развитие нового – капиталистического – способа

производства с сопутствующим ему ростом городов, региональной и межконтинентальной торговли, миграции, ростом социальной мобильности населения и появлением новых социальных групп. Помимо этого данный переход был ознаменован революциями в сфере научной мысли и промышленного производства, определившими вступление Европы в эпоху индустриализма.

Так уже в XVII в. формируется *modernity* – наилучшая («современная») хозяйственная система и, одновременно, передовые типы общественного (экономического, социального и политического) развития, а также тип общества, выступающий для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования. Характерной чертами этой модели были: 1) появление системы массовых (печатных) коммуникаций, 2) преобладание инновации над традицией, 3) развитие под определяющим влиянием достижений науки и техники, «пространством» распространения которых, в свою очередь, стала 4) система массового светского образования как фактора формирования общего языка и общей (национальной) культуры многоязыкого и мультикультурного населения западноевропейских государств (подробнее см.: [Гранин 2006, Гранин 2014]).

Разумеется, эволюция этой модели развития в каждой стране имела свои особенности. Но, так или иначе, во всех европейских странах трансформация «сословного государства» в национальное правовое, а затем в «социальное государство» была связана со становлением и развитием гражданского общества и европейского капитализма XVII–XIX столетий. После 1648 г. («Вестфальский мир») сложилась система международного права, закрепившая употребление понятий «внутреннего» и «внешнего» политического суверенитета, постепенная замена «суверенитета государя» понятием «народного суверенитета», с одной стороны, и отделение государства от «гражданского общества» (т.е. функциональное обособление государственного аппарата), с другой. Именно эти процессы, по мнению Хабермаса, составили правовую основу появления в Европе национальных государств и сопутствующих им «наций». «Вне зависимости от того, – пишет он – была ли сама государственная власть уже приручена в государственно-правовом смысле и стала ли корона «подзаконной», государство не может пользоваться правовой средой, не организовав сообщение в отличной от него сфере гражданского общества таким образом, чтобы частные лица пользовались субъективными свободами (распределенными сначала не поровну). С отделением частного права от публичного отдельный гражданин в роли «подданного» достигают, как выражался еще Кант, самой сути частной автономии» [Хабермас 2001, 271].

Под давлением капиталистических (товарно-денежных) отношений из разлагающихся «сословий» формировалась новая социальная структура, важнейшими элементами которой становились аграрный и промышленный пролетариат, буржуазия и «люди свободных профессий». Из числа последних (разоряющихся дворян, ремесленников, студентов, преподавателей, врачей, юристов и т.д.) формировался социальный слой «интеллектуалов» – мыслителей и ученых, впоследствии названный «интеллигенцией» [Гранин 1994]. Важно иметь в виду, что в XVII–XVIII столетиях эти новые социальные слои обеспечивали рациональный характер организации и осуществления государственной власти, единообразного и рационального регулирования общества, принципиально отличавший государства Западной Европы от современных им восточных империй. Это выразилось в появлении феномена *камерализма* (*Kammer* – по-немецки «палата», но также «кладовая») – идеологии и практики производства дискурсов в трех основных областях: в организации государственных финансов, в системе хозяйствования (*Oeconomie*) и упорядочивании общества (*Polizei*). Наиболее известными продуктами камералистской идеологии были: экономическая доктрина меркантилизма и теория административного устройства *gute Polizei* – правильно управляемого государства.

Как демонстрируют современные исследования, «...камерализм (*Kamerawissenschaft*) представлял собой колоссальных масштабов риторический механизм, основным результатом которого было не точное экономическое или социальное знание и не инновационные практические советы производственного и административного характера, а создание и продвижение самого представления о государстве как едином рационально

устроенном механизме, обслуживаемом лояльными и квалифицированными чиновниками. Абстрактная идея “государства” внедрялась в умы подданных и правителей — формировалось представление о чиновнике как служащем этому государству не в силу вассального подчинения сюзерену, и не ради корыстного злоупотребления должностью (“кормления”), а с целью внести вклад в общественное благо» [Глебов, Могильнер, Семенов 2015, 328–329]. Путь к этому государству осмысливался как движение от сословного к политическому обществу («нации») в категориях частной выгоды и универсальной законности.

Специфика и горизонты этого осмысления определялись трансформацией мировоззрения, характерной чертой которого стали антропоцентризм и механицизм. Одновременно развитие философии и успехи естественных наук формируют убеждение о рациональном устройстве природы и общества и «всесильности» человеческого Разума: «Все действительное разумно, все разумное действительно» — эта интуиция (позже концептуализированная Гегелем) стимулировала интеллектуалов к поиску рациональных моделей общественного устройства в течение всего XVIII в.

Этот «долгий XVIII век» (продлившийся до середины XIX столетия) на самом деле представлял собой клубок социально-экономических противоречий. И если наводил на мысли о чем-либо, то уж точно не о разумном устройстве или нравственной цели, о которых писали Руссо, Дидро, Смит и Риккардо. В работах последних социальное неравенство и сопутствующая ему повсеместная бедность объявлялись неустранимыми, так как будто бы постоянно провоцировались «неутолимой жаждой размножения» низших слоев, которая, якобы, будет только увеличиваться по мере повышения им заработной платы и перераспределения общественного богатства в их пользу. Помимо экономических соображений, основанных на понимании «диалектики» труда и капитала в качестве необходимого следствия «естественных» для общества экономических законов рынка, эта тенденция игнорирования бедности и социального неравенства поддерживалась верой во всемогущество рационально устроенного государства. А оно совместно с церковью, как показал Мишель Фуко, повсюду использует практику «изоляции» бедности. По всей Западной Европе создаются «госпитали» и «рабочие дома», в которых насильно помещают душевнобольных, бродяг, бездомных и нищих, квалифицируя их как «неразумных» и заставляя работать по строго разработанным планам [Фуко 1997]. Подобная практика вполне рациональна: так как «бедность» выводится за пределы разума и записывается по ведомству «неразумия», вполне разумно применять к ней меры изоляции, морального осуждения и дисциплинарного насилия. И такая «социальная политика» осуществлялась более двух столетий: практика обязательного труда в условиях изоляции, имеющая цель снять социальное напряжение в периоды экономических кризисов, сохраняется вплоть до середины XIX в.

Промышленная революция принципиально ничего не изменила. Не надеясь на государство, рабочие создавали «общества взаимопомощи» и профессиональные союзы, открытие и деятельность которых находились под бдительным контролем властей, опасавшихся, что такие структуры представляют угрозу для существующего общественного устройства. И в промышленных центрах Англии, как грибы после дождя, росли рабочие поселки (своего рода новые «центры изоляции»), жизнь в которых, как показал Энгельс, представляла собой резкий контраст с жизнью состоятельных классов. Поэтому рабочие волнения, порожденные ужасными условиями труда и быта нередко сопровождалась убийствами фабрикантов и членов их семей. Государство на это отвечало репрессиями, но принципиально менять социальную политику не намечалось.

В значительной мере это было связано с унаследованным из прошлого представлением о том, что основная причина бедности, социального недовольства и социальных протестов связывалась с вредными привычками и ущербной моралью тех людей, которые, собственно, и составляли пласт «трудящихся». Но постепенно вместе с разрушением прежних рационалистических установок в центре критики оказывается гегелевское представление о государстве как «шествии Бога в мире», как «земнобожественном

существо». И философская максима «Все действительное разумно, все разумное действительно» подвергается пересмотру почти одновременно и параллельно в рамках либеральной, анархистской, коммунистической и консервативной мысли середины XIX в.

Хотя появление термина «социальное государство» мы действительно находим в трудах консерватора Лоренца фон Штейна, дальнейшее и наиболее плодотворное развитие этой идеи осуществлялось в лоне социалистической мысли и практики во второй половине XIX – первой трети XX столетия. Именно под их влиянием к 1880-х гг. в Великобритании, Франции, Германии произошла переориентация социальной политики от абстрактной идеи социальной справедливости в сторону ее практической реализации. На волне политики государственного национализма О. фон Бисмарка в 1871 г. Германия впервые в истории вводит государственное социальное страхование от несчастных случаев на производстве, в 1880 г. она же начинает финансировать медицинскую помощь, в 1883 г. вводит пособие по болезни.

Постепенно опыт Германии был воспринят и в ряде других стран. Этому способствовал экономический кризис конца XIX столетия, поразивший Великобританию и США, и вызвавший рост безработицы и забастовок. Как отмечал Т.Х. Маршалл, период 1865–1900 гг. можно назвать «периодом коллективизма» – временем, когда идеи социализма интерпретировались большинством как требования вмешательства государства для обеспечения благосостояния всех людей без исключения. И по сути этой же точки зрения, несмотря на различие идеологических позиций, придерживались правительства многих европейских стран, где государственное социальное страхование граждан начинает активно применяться со второй половины 1880-х гг. и, в частности, получает правовое закрепление в Конституции Веймарской республики 1919 г. и Конституции Чехословакии 1920 г.

А в советской России уже в ноябре 1917 г. издаются декреты о страховании от безработицы, о бесплатной медицинской помощи, о пособиях по случаю болезни, родов и смерти. Позже социальная политика СССР (во многом благодаря массивной официальной пропаганде) получила такой резонанс, что оказала серьезное влияние на правительства и социал-демократические партии Европы. Поэтому первый этап становления социального государства в Европе и США, датируемый с 1870-х гг. до 1930-х гг., можно охарактеризовать как социалистический. А само государство этого периода – как социально защищающее государство, которое, в рамках своих обязательств, обеспечивает приемлемый уровень жизни уязвимых слоев населения.

Источники – Primary Sources in Russian Translation

Фуко 1997 – Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с франц. И.К. Стафа. СПб.: Университетская книга, 1997 [Foucault, Michel *Histoire de la folie à l'âge classique* (Russian translation)].

Ссылки – References in Russian

Глебов, Могильнер, Семенов 2015 – Глебов С., Могильнер М., Семенов А. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Часть I // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 323–407.

Гранин 1994 – Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание // *Свободная мысль*. 1994. № 2–3. С. 32–39.

Гранин 2006 – Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм // *Философские науки*. 2006. № 7. С. 5–23.

Гранин 2014 – Гранин Ю.Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб.: Проектные решения, 2014.

Хабермас 2001 – Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю.С. Медведева. СПб.: Наука, 2001.

References:

Glebov, Sergey V., Mogilner, Maryna B., Semenov, Alexander M. (2015) 'Long XVIII century and formation of the modernization empire. Part I', *Ab Imperio*, 1, pp. 323–407 (In Russian).

Granin, Yury D. (1994) 'Power and ecological consciousness', *Svobodnaya mysl'*, 2–3, pp. 32–39 (In Russian).

Granin, Yury D. (2006) 'Globalization and nationalism', *Fylosofskye nauki*, 7, pp. 5–23 (In Russian).

Granin, Yury D. (2014) *National state. Past. Present. Future*, Proektnye resheniya, Saint-Petersburg (In Russian).

Habermas, Juergen (1996) *Die Einbeziehung Des Anderen Studien Zur Politischen Theorie*, Suhrkamp, Frankfurt am Main (Russian translation, 2001).

Сведения об авторе

ГРАНИН Юрий Дмитриевич —
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института
философии РАН

Author's information

GRANIN Yury D. —
DSc in Philosophy, professor, leading
researcher of Institute of Philosophy, Russian
Academy of Sciences.